

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НА ВЫХОДЕ – КОМПЕТЕНТНОСТЬ, А НЕ «КОРОЧКИ»

РЕКТОР РОССИЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ
НАРОДОВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ
КОМИССИИ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Владимир Михайлович
Филиппов

Среди вопросов, которые сегодня предстоит решать российской системе образования, включая все его ступени – от дошкольного до послевузовского, на первом месте стоит вопрос качества образования, его соответствия мировым требованиям и способности готовить людей для современной экономики, для новых обществ. Это означает, во-первых, владение не только современными информационными технологиями, но и иностранными языками (английским – обязательно), во-вторых, умение людей жить в многонациональных толерантных обществах, работать в полиэтнических и полирелигиозных коллективах. В-третьих, современные специалисты должны быть не только компетентными в своей области, но и творческими, креативными. Именно этого требует от нас новое общество: мы научились в определенной мере готовить по стандартам в рамках ЗУН – «Знаний, Умений, Навыков», а вот компетентности и креативности в современном сложном мире – глобализующемся, быстроизменяющемся, многонациональном, междисциплинарном – сейчас больше всего не хватает.

Из этих основных задач проистекает уже много разных вопросов относительно того, чему и как учить. Качество образования – это и новые технологии обучения, и собственно новое содержание образовательных программ. Не случайно сейчас Министерство образования и науки Российской Федерации совершенно справедливо, по моему мнению, серьезно взялось за до-

школьную ступень – впервые появились стандарты дошкольного образования, которых раньше не было. Это необходимо для того, чтобы разорвать образовавшийся порочный круг: детские сады готовили к школе, как хотели, еще и деньги за это брали, и все – по-разному, и дети в итоге в первом классе зачастую оказывались с разным уровнем подготовки.

Управляющий комитет всемирной программы ЮНЕСКО «Образование для всех», президентом которого я был последние 2 года, сейчас ставит задачу в период с 2015 по 2030 год обеспечить в мире всеобщее 10-летнее образование по системе «1 + 9», включая год дошкольной подготовки, обязательный для всех: не только в развитых странах мира, но и в Африке, в Азии, в беднейших странах мира. И у нас в России еще далеко не все дошкольники проходят эту минимально необходимую годичную подготовку, хотя мы стараемся обеспечить для российских детей 2–3 года дошкольной подготовки.

На уровне руководящих документов существует программа действий по этим направлениям, но мне кажется, в ее подготовке было очень мало задействовано профессиональное сообщество. Важно не только собрать специалистов и выяснить, какие проблемы они считают ключевыми. Обратная связь обязательно должна быть на всех этапах модернизации, не только на стадии предварительного обсуждения, иначе, подчеркиваю, без активной включенности в реализацию существующей модели преобразований всего педагогического сообщества, в том числе школ, вузов и вузов, необходимые преобразования проблематично осуществить: всё, что спускается сверху, воспринимается с трудом.

Возвращусь к ключевому вопросу повышения эффективности: в мире сейчас действительно существует эта потребность – оценить качество образования. В этом заинтересовано и государство, чтобы понять, куда вкладывать деньги в первую очередь, кого поддерживать. Есть принцип, когда поддерживают, например, слабых, чтобы их подтянуть до определенного уровня. Это одна политика. Другая политика состоит в том, что при

недостаточности ресурсов целесообразнее поддерживать сильных, а слабые сами будут вынуждены «оптимизироваться». Все варианты и их последствия должны быть просчитаны. Существенную роль в процессах оценки играют и интересы работодателей, желающих знать уровень подготовки выпускников разных вузов, которым выдан один и тот же диплом по государственному стандарту. Потребность в рейтинге, которая возникла в мире, не случайна: она идет не из вузовского сообщества, а извне как посыл оценки эффективности работы той или иной образовательной организации.

Есть рейтинги, которые сравнивают сильных между собой, сильных со средними и т.д. В рамках мониторинга эффективности вузов, проводимого Министерством образования и науки Российской Федерации, в настоящее время стоит другая задача – отсеять слабых или обеспечить, чтобы не было плохого, некачественного высшего образования. Министерство без предварительного эксперимента, без апробации выполняет поставленную Правительством Российской Федерации задачу быстрее закрыть некачественные вузы, поэтому в первый год его результаты вызвали громкий скандал: в число вузов с признаками неэффективности попали такие высшие учебные заведения, как МАРХИ, МАИ и РГУ. Результаты рейтинга были подправлены в «ручном режиме». Логика установления первоначальных критериев мониторинга ясна, все они оценивают эффективность решения российскими вузами важнейших текущих задач: попадания в мировые рейтинги университетов, развития вузовской науки, повышения заработной платы преподавателей, обеспечения нормальных условий получения образования, внедрения в процесс обучения современного учебно-лабораторного оборудования и средств ИКТ.

Можно порадоваться тому, что в Министерстве быстро учли необходимость корректировки и расширения критериев оценки. В 2013 году для учета специфики деятельности вузов были выделены их особые группы: военные, медицинские, сельскохозяйственные, творческие, спортивные и транспортные высшие учебные заведения. Но учет вида деятельности требует более тонкой настройки. Поясню это соображение на примере РУДН: вузу, для того чтобы быть отнесенным к какой-либо «особой группе» по определенному виду деятельности, необходимо иметь не менее 60% студентов, обучающихся по этой укрупненной группе специальностей. У нас же в РУДН есть все эти факультеты и специальности с особой спецификой – медицинские, аграрные, транспорта, культуры, но в отдельности 60% обучающихся не наберется ни на медицинском факультете, ни на аграрном, ни на инженерном, ни на факультете гуманитарных и социальных наук. Поэтому, на мой взгляд, для отнесения крупного вуза к определенной специфике необходима более тонкая настройка учета этой специфики вуза.

В дальнейшем необходимо поддерживать курс на расширение критериев мониторинга и индивидуализацию подхода к вузам в зависимости от их отраслевой и территориальной принадлежности. Необходимо также пересмотреть отношение и к так называемым призна-

кам неэффективности. Например, педагогические вузы по показателям научной работы, безусловно, слабее, чем крупные университеты, но они решают свою задачу – готовят на уровне 4-летнего бакалавриата учителей, которые качественно учат детей в школе, и не надо требовать от них того же уровня науки по показателям, которые предъявляются у нас к ведущим вузам, таким как МГУ, Бауманка, МФТИ, МИФИ, РУДН и т.д.

Возвращусь к роли рейтингов в оценке эффективности. Если мы хотим и пытаемся в рейтинге сравнивать себя с западными университетами, то надо учитывать, что, как правило, абсолютное большинство их крупнее наших российских. Как в спорте нельзя легковеса сравнивать с тяжеловесом – у них разные параметры и разные рекорды, так и здесь – находясь в другой «весовой категории», трудно занимать высокие места в Шанхайском рейтинге, в рейтинге Times и др. Не случайно из наших там пока выходят вперед только МГУ, СПбГУ и еще несколько крупных вузов.

Если уж говорить об объединении, то я был и остаюсь сторонником более серьезного, другого объединения, которое бы укрупнило наши высшие учебные заведения за счет присоединения к университетам научных институтов, чего мы не сделали, реформируя Академию наук, как это сделали в странах бывшего Советского Союза, например в странах Балтии, в Казахстане. Наука, как на Западе, где нет отдельных академий наук, должна быть в университетах.

При таком подходе сразу в разы вырастет соответствие многим показателям, значимым для вхождения в мировые рейтинги, не говоря уже о вопросах качества образования и научной деятельности, когда, с одной стороны, для студентов станут более доступны лекции и оборудование активно работающих на передовом уровне ученых и научных коллективов, а с другой стороны, не будет того «старения» академических институтов, которое происходит в отрыве от вузов.

То, что у нас в топ-100 практически нет российских вузов, плохо для всей страны и для всего высшего образования Российской Федерации, в частности для привлечения иностранных студентов, для повышения авторитета российского образования в мире. На сегодняшний день в топ-100 – ни одного российского вуза, зато десяток китайских. А мы говорим, что в области высшего образования впереди планеты всей. Я помню фразу, которую Владимиру Владимировичу Путину на съезде ректоров в МГУ, когда там пытались критиковать политику Министерства по вопросу вхождения в Болонский процесс, сказал ректор Челябинского государственного технического университета: «Да, Владимир Владимирович, мы, конечно, в области высшего образования лучше всех, но плохо, что они там, за бутром, этого не знают».

Президентом России поставлена задача добиться вхождения не менее 5 российских вузов в первую сотню мировых рейтингов. В рамках этой задачи по программе Министерства образования и науки Российской Федерации Проект «5/100» отобраны 15 вузов-участников, не менее 5 из которых должны к 2020 году войти в первую сотню ведущих мировых университетов со-

гласно мировому рейтингу университетов. Определили, что для 5 надо набрать 15 – линия абсолютно правильная, поддержать сразу 100 – непосильная задача. Но другое дело, что, конечно же, надо было не проводить искусственную селекцию среди вузов, которые выразили готовность соответствовать требованиям и написали красивую заявку, а в первую группу (7–10 вузов) просто взять автоматически тех, кто благодаря своим собственным усилиям уже оказался в топ-500. Из российских вузов только 8 входят в топ-500, в QS, и среди них в частности РУДН, но мы не попали в число этих 15.

Надо иметь в виду, что условием вхождения в данную программу являлось наличие определенной политики, системы менеджмента. И когда в рамках данной программы были определены требования к реорганизации внутри вузов, большинство членов ученого совета РУДН сказали: «Не нужно нам это – мы сами лучше знаем, в отличие от рекомендаций сверху каких-то экстраспециалистов, которые могут посоветовать и медицинскому, и техническому вузу, и аграрному, и гуманитарному – всё это есть в РУДН – как лучше жить. Мы будем идти своим путем, мы уже в числе восьмерки в топ-500». Жаль, конечно, 1–2 млрд дополнительно финансирования в год никому бы не помешали, но в противном случае пришлось бы поступиться закрытием целого ряда факультетов и направлений подготовки ради показателей. Задача РУДН в том, чтобы готовить кадры для 150 стран мира, готовить мировую элиту, а не в том, чтобы любой ценой делать науку, а работу со студентами отодвинуть на второй план.

Грамотный менеджмент и без внешней поддержки дает свои плоды. В мировом рейтинге вузов QS РУДН входит в топ-500 университетов мира, а в мировом глобальном рейтинге Webometrics – в числе 20 лучших вузов России.

По рейтингу агентства «Интерфакс» РУДН в 2011–2014 годах занимает 4–6-е места среди всех (более 1 тыс.) российских вузов.

Российский университет дружбы народов входит в топ-100 университетов стран БРИКС по версии совместного проекта информагентства «Интерфакс» и рейтинговой компании Quacquarelli Symonds (QS). В составленном ими рейтинге вузов России, стран СНГ и Балтии РУДН занял в 2013 году 7-е место, а по показателю «интернационализация» – 1-е место среди всех вузов России, стран СНГ и Балтии. Эти показатели достигнуты без вхождения в какие-либо программы по продвижению в рейтинги.

Внутри РУДН существует также давняя система стимулирования преподавателей к активной научной деятельности, которая позволяет университету занимать высокие места в международных и российских научных рейтингах. Согласно данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), по количеству научных статей РУДН занимает 6-е место среди всех научных и образовательных организаций России (их 10 564), 4-е место среди всех высших учебных заведений Российской Федерации (их более 1 тыс.), 3-е – среди университетов Москвы, а по индексу цитируемости – 17-е место по Рос-

сии и 5-е – по Москве и 33-е место среди всех (их более 10,5 тыс.) научных организаций России.

Согласно опубликованному в мае 2014 года исследованию агентства Thomson Reuters инновационной деятельности в России, по количеству патентов за 2002–2012 годы РУДН занял 2-е место (!) после Госкорпорации «Росатом» (на 3-м месте – Министерство промышленности и торговли Российской Федерации).

Такой важный показатель ведущих рейтингов, как интернационализация, развитие международных связей в образовательной деятельности, не только отражает востребованность вуза на международном рынке образовательных услуг. Это стратегически очень важный вопрос, и на примере многолетней деятельности РУДН очевидна целесообразность политики развития международных связей, которая по многим параметрам просто актуальна. Во-первых, с помощью такого сотрудничества мы готовим людей, которые способны работать не только внутри отечественной экономики, но и, например, в глобальных компаниях, которые приходят в нашу страну, нуждаясь в специалистах, знающих особенности как национального, так и международного рынка. Это касается абсолютно всех сфер деятельности, без знания современных общемировых тенденций и проблем, современных технологий никто – от агрономов до астрономов – не может обойтись. Во-вторых, интернационализация чрезвычайно важна для развития науки, которая интернациональна по своей природе. Современная наука не может быть местечковой.

Наука должна интернационализироваться и выходить, в частности с помощью индекса цитируемости, индекса Хирша, импакт-фактора ведущих журналов, в мировые базы данных – это с одной стороны. С другой стороны, конечно же, сегодня в образовательной деятельности нельзя только лишь ориентироваться на мировые стандарты, нужно реализовывать совместные с зарубежными партнерами образовательные программы. Это особенно важно и быстро реализуемо на уровне магистратур – совместные магистерские программы, организованные по принципу «год обучения в одном университете, год – в другом», по окончании которых, подчеркиваю, выдаются два диплома, что должно дополнительно стимулировать студентов.

Но для этого, во-первых, уровень образовательных учреждений должен быть примерно одинаковым: никогда Оксфорд не согласится выдавать двойной диплом с нашим слабым пединститутом; во-вторых, при этом нужно согласовать содержание программ, чтобы и тот и другой вуз доверяли этому содержанию; и третье – вопрос, какого уровня преподаватели, где они публиковались. В какой-то области мы можем выдавать одновременно диплом, например, РУДН и Оксфорда, а в другой – нет. В каком-то направлении мы не сильны, а в другом, может быть, не силен Оксфорд.

Академический обмен, включенное обучение значительно повышают качество образовательной деятельности. Говоря о международном сотрудничестве, важно оценивать не количество имеющихся соглашений, а количество студентов, которые в действительности

прошли обучение за рубежом по данным программам. В РУДН каждый год выезжает за рубеж и, соответственно, приезжает по обмену к нам примерно 300–400 преподавателей и такое же число студентов, этот паритет особенно важен.

На сегодняшний день в нашем университете существует 113 совместных магистратур, это самое большое число подобных программ среди всех вузов нашей страны. Развитию этого процесса помогло, в частности, создание 2 огромных сетевых университетов: Сетевого университета СНГ, объединившего 28 вузов из 9 стран, и Сетевого университета ШОС, в котором на сегодняшний день 75 университетов из 5 стран.

В настоящее время идет формирование общего информационного, образовательного и научно-исследовательского пространства в рамках БРИКС, включая Сетевой университет, организованный по тому же принципу: совместные магистратуры, подчеркиваю, между ведущими отобранными университетами. В Сетевые университеты СНГ, ШОС и БРИКС сейчас стремятся войти многие вузы, и мы почти всем отказываем, поскольку элита уже отобрана, у нас достаточно своих специальностей. Таким образом, интернационализация определенно зарекомендовала себя как одна из важнейших мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности.

Российская система высшего образования, включившись в Болонский процесс, активно начала интегрироваться в европейское образовательное пространство, на сегодняшний день ее формальное устройство уже серьезно модернизировано. Значительно хуже обстояло дело с пониманием того, каким содержанием должна наполниться преобразованная система, начиная с уровня кафедры: для чего готовят будущих бакалавров, не все из которых в дальнейшем продолжат обучение в магистратуре и занятия наукой. За 4 года обучения бакалавр, получив определенные знания, навыки и компетенции, должен быть подготовлен к определенной профессиональной деятельности в какой-либо практической сфере.

С 1 сентября 2013 года по новому закону «Об образовании в Российской Федерации» аспирантура, а не послевузовское образование, как было раньше, стала третьим уровнем высшего профессионального образования. В работе аспирантуры произошли изменения, аспирант теперь – это тоже студент, который должен выполнять учебный план в соответствии с программами профессионального обучения, затем проходить ежегодную аттестацию, а в конце обучения – защищать выпускную квалификационную работу. Обучение аспирантов должно осуществляться точно так же, как студентов магистратуры, – при кафедрах на факультетах. Обсуждается даже вопрос о том, что аспирантура не предусматривает теперь обязательного написания в процессе обучения диссертации и представления ее для защиты в диссертационный совет.

При этом у нас очень много аспирантов в научных учреждениях, в Академии наук, там-то как раз подразумевается в первую очередь научная деятельность.

Формально аспирантура реорганизована, но предстоит еще понять, что же мы хотим получить от ас-

пиранта при ее окончании. Стандарты третьего уровня для аспирантуры, учебные планы, программы, зачетные единицы и экзамены – все эти аспекты образовательной программы сейчас разрабатываются, и в этой части мы еще даже не на середине пути реализации Болонского процесса – мы только в самом его начале.

Не менее важны для совершенствования научно-образовательной деятельности и для развития страны в целом вопросы повышения эффективности системы аттестации научных кадров. Это следующий шаг в рамках Болонского процесса.

Точка невозврата в ситуации с системой аттестации научных кадров была пройдена после серии разоблачений «липových» диссертаций в феврале 2013 года. Очевидно, что это серьезная и давняя болезнь, которую не вылечить введением какого-то отдельного механизма, после чего ситуация немедленно наладится. В качестве первоочередных мер по наведению порядка в этой сфере было выбрано по крайней мере три направления.

В рамках первого направления обсуждался вопрос о том, чтобы отказаться от действующей системы и перейти к другой, принятой в большинстве стран мира, когда ученая степень присваивается ведущими университетами, которые сами организуют защиту. Стоит изучить имеющийся мировой опыт и попробовать двигаться в этом направлении в рамках пилотного проекта с участием ряда ведущих университетов и научных учреждений страны, которым дать право самостоятельно присуждать ученую степень без участия ВАК и Министерства образования и науки Российской Федерации. Не для того, чтобы провести эксперимент и забыть об этой инициативе, а для того, чтобы отработать технологию.

В конечном итоге было решено всё-таки сохранить действующую систему, при этом повысив ее открытость и усилив влияние на эти процессы научного сообщества. Потому что в ситуации, когда в стране существовало более 3 тыс. диссоветов, а в год защищалось примерно 26 тыс. диссертаций, невозможно сверху контролировать происходящее в каждом диссовете. Отмена заседания при отсутствии кворума в течение хотя бы 30 секунд и видеорекамеры, установленные в зале, где проходит обсуждение, не решают проблемы.

Мы делаем ставку на включение механизмов репутационной ответственности начиная с самого диссертанта: теперь его работа до защиты размещается на сайте – все ее читают и могут посылать на форум свои замечания и предложения. На сайте вывешиваются также все отзывы официальных оппонентов, и если раньше иногда было, что сам диссертант писал оппонентам почти одинаковые проекты отзывов, то сейчас, если они совпадут хотя бы в одном абзаце, это уже скандал. Официальный оппонент должен понимать, что его отзыв будет известен всей стране.

Более того, включен следующий механизм: если ВАК и Министерство отклоняют защищенную диссертацию, то недобросовестный соискатель, его оппоненты и ведущая организация, которые дали необоснованные отзывы и заключение, на 10 лет попадают в «черные списки», которые вывешиваются на сайте ВАК. Все эти меры нацелены на то, чтобы сделать прозрачной и эф-

фективной всю цепочку системы научной аттестации, включая самих соискателей, их научных руководителей и консультантов, а также официальных оппонентов, базовые кафедры и ведущие организации.

Министерство и ВАК практически полностью обновили составы экспертных советов, а их в ВАК около 50: было заменено 95% председателей и заместителей и более 2/3 членов экспертных советов. От их оценки диссертации, кропотливой «ручной работы» специалистов, погруженных в тему, зависит очень многое, потому что на уровне параметров, которые отслеживает система «Антиплагиат», недобросовестные соискатели легко научатся ее обходить, будут переписывать не абзацы, а чужие мысли своими словами. Ключевыми для оценки становятся понятия, которые никакая электронная система автоматически оценить не может: актуальность тематики, научная новизна и личный вклад данного ученого.

Часто вопрос научной новизны – это вопрос соотношения элементов науки и практики в работе. В технических и медицинских науках в последние годы возникают проблемы с отсутствием апробации, которая обязательно требуется. Если в точных и естественных науках трудно что-либо подделать, то экономика, юриспруденция, социология – раздолье для желающих «остепениться» бизнесменов и чиновников, покупающих диссертации. Оценить, что нового сделано в политологии, экономике, педагогике, – задача ученых-экспертов: сначала на уровне оппонентов, затем на уровне ведущей организации, а потом уже – ВАК с экспертными советами.

Подчеркиваю, что помимо закручивания гаек, которое мы ввели, помимо того, что готовится стратегический эксперимент по самостоятельному присвоению ученых степеней ведущими вузами и научными учреждениями, сейчас очень важно, чтобы заработали на практике механизмы репутационной ответственности ученых. Эта мера доказала свою действенность в большинстве стран мира, где образование и наука находятся на высокой ступени развития и ученые дорожат своей репутацией в профессиональном сообществе.

Образование – это одна из таких областей, которые, как и медицину, у нас принято преимущественно критиковать, потому что «все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...». Задача всего общества, а не только образовательного сообщества, которое в этом непосредственно заинтересовано, – сделать так, чтобы хорошее образование стало не просто модным, чтобы оно стало потребностью семей. Общество должно понимать, что без достойного образования у человека не будет достойного будущего. Сейчас, пока широко распространено сугубо формальное понимание того, что есть хорошее образование, – что ж, остается стремление к «корочкам». Но при резко возросшей конкуренции на рынке труда в условиях массового высшего образования существенно повышается ценность качества полученного образования, и решать эту задачу надо не только Министерству образования и науки Российской Федерации путем мониторинга и санации системы, но и всему обществу, начиная с семьи.